

2.

29 марта 1873 г.

Милостивый Государь,
Федоръ Михайловичъ!

Препроваждая¹ при этомъ, на разсмотрѣніе Ваше, статью свою: «Сосновская Школа», имѣю честь покорнѣйше просить помѣстить её въ редактируемомъ Вами журналѣ; при чемъ, въ случаѣ надобности, прошу не лишить ее, по своему усмотрѣнію, надлежащихъ исправленій; тѣмъ болѣе, что, по болѣзненному своему состоянію, я не могъ достаточно обработать² её³. Впрочемъ, нынѣ здоровье мое улучшается, я уже вышелъ изъ клиники и льщу себя надеждою привести, въ началѣ будущей недѣли, въ исполненіе давнишнее задушевное желаніе, засвидѣтельствовать Вамъ свое глубочайшее уваженіе, съ которымъ и нынѣ

Имѣю честь быть
Вашимъ
Покорнѣйшимъ слугою
= А. Шкляревскій

1873 года,

29 Марта

Пески, 10 улица,

д. № 8 и кв. № 8. <л. 3>

Источник текста: НИОР РГБ. Ф. 93.П.9.146. Л. 3.

Из Петербурга. <В Петербург.>

Упоминается в пересказе: *Описание*, 510; *Летопись*, II, 364–365.

Впервые опубликовано: Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и его корреспондентов [Электронный ресурс] // Электронные научные издания: сайт кафедры русской литературы и журналистики ПетрГУ. URL: <http://philolog.petrstu.ru/fmdost/letters/letters.htm> (27.06.2017).

Публикуется по автографу.

Комментарии:

Препроваждая при этомъ, на разсмотрѣніе Ваше, статью свою: «Сосновская Школа», имѣю честь покорнѣйше просить помѣстить её въ редактируемомъ Вами журналѣ... — Статья с таким названием среди публикаций «Гражданина» за 1873–1874 гг. отсутствует.

...привести, въ началѣ будущей недѣли, въ исполненіе давнишнее задушевное желаніе, засвидѣтельствовать Вамъ свое глубочайшее уваженіе... — Согласно воспоминаниям В. В. Тимофеевой (Починковской), первая встреча Шкляревского и Достоевского состоялась летом 1873 г. и ознаменовалась неприятным инцидентом: «...В это время, помню, рассказывал он (Достоевский. — Ред.) мне “историю” своей встречи с известным

¹ Так в подлиннике.

² В подлиннике ошибочно: *оброботать*

³ Вместо: *её* — было (ошибочно): *ея*

автором “судебных рассказов” А. Шкляревским. Встреча эта произвела на Федора Михайловича такое болезненно-тяжелое впечатление, что он, по-видимому, долго не мог от него освободиться.

Дело было так. Шкляревский летом однажды зашел к Достоевскому и, не застав его дома, оставил рукопись, сказав, что зайдет за ответом недели через две. Федор Михайлович, просмотрев рукопись, сдал ее, как всегда, в редакцию, где хранились все рукописи — и принятые и непринятые. О принятии рукописи известить автора Федор Михайлович не мог, так как Шкляревский, будучи всегда в разъездах и не имея в Петербурге определенного места жительства, адреса своего не оставлял никому.

Прошло две недели. Шкляревский заходит к Федору Михайловичу — раз и два — и все не застаёт его дома. Наконец в одно утро, когда Федор Михайлович, проработав всю ночь, не велел будить себя до двенадцати, слышит он за стеной поутру какой-то необычайно громкий разговор, похожий на перебранку, и чей-то незнакомый голос, сердито требующий, чтобы его “сейчас разбудили”, но Авдотья, женщина, прислуживавшая летом у Федора Михайловича, будить отказывается.

— И наконец они такой там подняли гам, — рассказывал мне Федор Михайлович, — что волей-неволей я вынужден был подняться. Все равно, думаю, не засну. Зову к себе Авдотью. Спрашиваю: “Что это у вас там такое?” — “Да какой-то, говорит, мужик пришел — дворник, что ли, — бумаги, чтобы сейчас ему назад, требует. <...> И ждать не хочет. Непременно чтобы сейчас бумаги ему отдали”. Я догадался, что это кто-нибудь от Шкляревского. Скажи, говорю, чтобы подождал, пока я оденусь. Я сейчас к нему выйду. Но только стал одеваться и взял гребенку в руки, — слышу, рядом, в гостиной, опять ожесточеннейший спор. Авдотья, видимо, не знает, что отвечать, а посетитель, видимо, дошел до белого каления, потому что не так же я уж долго одевался и причесывался, а он, слышу, кричит на весь дом: “Я не мальчишка и не лакей! Я не привык дожидаться в прихожей!..” А у меня, надо вам сказать, — пояснил Федор Михайлович, — мебель в гостиной на лето составлена в кучу и покрыта простынями, чтобы не пылилась, потому что летом некому ее убирать. Ну вот, услышав, что мою гостиную принимают за прихожую, я не выдержал, заинтересовался узнать, кто именно, и приотворил слегка дверь. Вижу: действительно, не мальчишка, человек уже пожилой, небритый, одет как-то странно: в пальто и ситцевой рубашке, штаны засунуты в голенища, в смазных сапогах. Я все-таки почтительно ему кланяюсь, извиняюсь и говорю: “Не кричите, пожалуйста, на мою Авдотью, — Авдотья тут решительно не виновата ни в чем... Я запретил ей будить себя, потому что работал всю ночь. Позвольте узнать, что вам угодно и с кем имею удовольствие?..” — “Скажите прежде всего вашей дуре кухарке, что она не смеет называть меня «мужиком»!.. Я слышал сейчас собственными ушами, как она назвала меня «мужиком». Я не мужик, я — писатель Шкляревский, и мне угодно получить мою рукопись!” — “Великодушно прошу извинить Авдотью за то, что она по костюму приняла вас не за того, за кого следовало... А относительно рукописи я вас прошу обождать пять минут, пока я оденусь. Через пять минут я к вашим услугам...” И представьте себе, он не дал мне даже договорить! — с удрученным видом продолжал Федор Михайлович. — Кричит свое: “Я не хочу дожидаться в прихожей! Я не лакей! Я не дворник! Я такой же писатель, как вы!.. Подайте мне сейчас мою рукопись!” — “Вашу рукопись, — говорю ему, — вы получите в редакции «Гражданина», куда она сдана уже две недели назад с отметкой, что пригодна для напечатания...” — “Я не желаю иметь дело с вашей редакцией «Гражданина»! Я отдал рукопись вам, а вы заставляете меня дожидаться в прихожей!.. Как вам не стыдно после всего, что вы написали!.. Вы — ханжа, лицемер, я не хочу больше иметь с вами дело!” Я было начал его просить успокоиться, —

вижу, человек не в себе, — вышел следом за ним на лестницу. “Еще раз прошу извинения! — говорю ему вслед. — Не виноват же я, в самом деле, что вы мою гостиную принимаете за прихожую. Честью вам клянусь, у меня лучшей комнаты нет, я всех гостей моих в ней принимаю!..” Что же вы думаете? Он бежит бегом по лестнице и грозит мне вот так кулаком! “Подождите вы у меня! Я вас за это когда-нибудь проучу!.. Я это распубликую! Я вас разоблачу на весь свет!..”

Федор Михайлович взволнованно перевел дух и закончил уже с тонкой улыбкой:

— Странное самолюбие бывает иногда у людей! Писатель одевается для чего-то, как дворник, и сердится, когда его принимают за “мужика”! “Разоблачить” меня собирается!.. Вот уж чего бы никогда не подумал, — что мне можно поставить в вину, что гостиная моя напоминает прихожую, что швейцаров я не держу на подъезде!..

— Непременно этот Шкляревский из духовного звания. Сын дьячка или пономаря, — говорил мне опять Федор Михайлович день или два спустя» (*Тимофеева В. В. Год работы с знаменитым писателем // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 176–178*).

Мемуаристка, как следует из ее же рассказа, не была свидетельницей встречи двух писателей и передавала ее со слов Достоевского. Образ Шкляревского, возникающий в этом рассказе, и соответствует биографическим данным и воспоминаниям других современников, и отклоняется от них в некоторых деталях. О болезненной вспыльчивости Шкляревского, объясняя ее «задавленностью», нищим бытом и хроническим пьянством, вспоминал А. А. Соколов: «В шестидесятых годах в первом разряде богемы числились: Мей, Кроль, Решетников, Сергей Максимов, Михневич, Помяловский, Курочкины, Василий и Николай, Омудевский, Жулев, Лейкин, Иванов-Классик и многие другие. Ко второму разряду принадлежали: Шкляревский, Кущевский, Ломачевский, Крутиков, Волокитин и другие. Первые выбирали для своих сходбищ рестораны почище и подороже, вторые ютились в подвальных рестораниках, которые так и звались “ямками”. Замечательно, что первый разряд богемы пил сильнее, так сказать — беспробуднее. Многие из них принесли свою жизнь в жертву своей неводержанности: почти все они умерли, не достигнув 50 лет, а некоторые погибли на заре жизни. Так, Решетников умер 30, а Помяловский — 27 лет. Если из перечисленных нами лиц С. В. Максимов, В. О. Михневич, Н. А. Лейкин и другие достигли более солидного возраста, то на это, безусловно, повлиял выход их из богемы. А на этот выход оказали влияние хорошие женщины, давшие им семью и сердечное отношение.

В богеме второго разряда гигантами питья являлись Шкляревский и Кущевский <...>

Некрасов <...> много раз старался останавливать Шкляревского, видя в нем большое дарование. — Разве ты так бы писал, если бы жил трезвее? — говорил он ему.

Раз Шкляревский слушал-слушал увещания Некрасова да вдруг и выпалил:

— Не тебе обо мне судить, потому ты сам писать не умеешь. Ты вон свое стихотворение “Еду ли ночью по улице темной” шедевром считаешь, а стихотворение — дрянь и в основе ложное. “Она” идет торговать собою, чтобы “добыть” на гроб сыну и на ужин отцу, и при этом надевает свое хорошее подвенечное платье. Ну подумай! Зачем ей было идти торговать собою, когда за ту же цену можно было продать хорошее платье и сделать гроб и накормить отца?

Некрасов потом говорил:

— Осенил он меня своею критикою» (*Соколов А. А. Из моих воспоминаний (Фрагмент) // Шкляревский А. Что побудило к убийству? (Рассказы следователя). М., 1993. С. 291–292*).

В то же время не во всём впечатление Достоевского соответствовало действительности. Так, Шкляревский назван «пожилым человеком». Возможно, таким он и выглядел в силу божемного образа жизни, но в момент событий Шкляревскому было 36 лет, в то время как Достоевский был на 16 лет старше. В этом контексте характеристика «пожилой человек» невольно обращает на себя внимание. Не был Шкляревский и сыном дьячка или пономаря. Отец Шкляревского закончил университет и преподавал в уездном училище. При рождении Александр Шкляревский был записан мещанином (*Рейтблат А. Русский Габорио или ученик Достоевского? // Шкляревский А. Что побудило к убийству? (Рассказы следователя)*). М., 1993. С. 6).

Пески, 10 улица... — В воспоминаниях о Ф. М. Достоевском Тимофеева отмечала, что адреса своего Шкляревский не афишировал, и никто не знал, где он жил. Однако в сохранившихся письмах Шкляревский три раза из семи называет свой адреса. В письме от 8 марта 1873 г. это Медико-хирургическая академия. И дважды (29 марта 1873 г. и 19 января 1874 г.) — частный дом в районе Песков. Пески — район Санкт-Петербурга, очерченный Невским проспектом и рекой Невой (от Александро-Невской Лавры до современной площади Восстания и улицы Моисеенко соответственно), а также Лиговским проспектом. К концу XVIII в. на Песках образовалась Рождественская слободка, включавшая 10 пронумерованных Рождественских улиц (в настоящее время — Советские). В обиходе название улицы часто опускалось, оставался только номер. В середине — конце XIX в. местность всё еще была заселена ремесленниками, напоминала уездный город, жилье было дешево. По утверждению современных краеведов, «Пески <... > обозначали не просто часть города, а образ жизни и даже судьбу. Жить на Песках значило принадлежать к определенной социальной прослойке, обладавшей весьма скромным достатком, но довольной своим жребием и не гнавшейся за теми, кто селился в более богатых и благоустроенных частях столицы» (*Глезеров С. Е. Исторические районы Санкт-Петербурга от А до Я*. М., 2010. С. 318).